

Городские тексты в эпоху глобализации

УДК 911.375 : 72

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-59-69>

Л. М. Гаврилина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российской Федерации
e-mail: gavrilina_larisa@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу трансформации городских текстов в эпоху глобализации. С точки зрения семиотики город является очень богатым, предельно насыщенным объектом для исследования, его можно рассматривать как сложно устроенный текст, содержащий разнообразную многоуровневую информацию. В статье представлена типология городских текстов, в качестве предмета данного исследования избран «город как текст». Данный тип городского текста предполагает чувственно воспринимаемый, преимущественно визуальный способ его «прочтения». На основе анализа динамики архитектурного облика городов делается вывод о трансформации городских текстов от локально-специфических к универсально глобалистским тенденциям. Тексты города, все более ориентированные на коммерческий эффект в условиях господства коньюмеризма, предельно упрощаются, сводятся к одному или нескольким узнаваемым культовым объектам, превращающимся в логотип города; само наличие этих культовых объектов является сообщением об экономической, технологической состоятельности и успешности данного локуса. Полагаем, можно фиксировать явно наметившуюся тенденцию к обеднению содержания городских текстов в условиях современной культуры.

Ключевые слова: город, текст, городской текст, сверхтекст, интертекстуальность, глобализация, идентичность места, хронотоп, культовые сооружения, городские бренды.

Для цитирования: Гаврилина Л.М. Городские тексты в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №3 (113). С. 59-69. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-59-69>

URBAN TEXTS IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Larisa M. Gavrilina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation
e-mail: gavrilina_larisa@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the transformation of urban texts in the era of globalization. From the point of view of semiotics, the city is a very rich, extremely rich object for research, it can be viewed as a complex text containing a variety of multilevel information. The article presents the typology

ГАВРИЛИНА ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

GAVRILINA LARISA MIKHAILOVNA – CSc in History, Associate Professor, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Гаврилина Л.М., 2023

of urban texts, the subject of this study is «the city as a text». This type of urban text presupposes a sensually perceived, mainly visual way of «reading» it. Based on the analysis of the dynamics of the architectural appearance of cities, the conclusion is made about the transformation of urban texts from locally specific to universal-globalist trends. The texts of the city, increasingly focused on the commercial effect under the domination of consumerism, are extremely simplified, reduced to one or more recognizable cult objects that turn into the logo of the city; the very presence of these cult objects is a message about the economic, technological viability and success of this locus. We believe that it is possible to fix the clearly emerging trend towards the impoverishment of the content of urban texts in the conditions of modern culture.

Keywords: city, text, urban text, supertext, intertextuality, globalization, place identity, chronotope, iconic buildings, urban brands.

For citation: Gavrilina L.M. Urban texts in the era of globalization. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 3 (113), pp. 59-69. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-59-69>

Город является своеобразным ядром цивилизации, само его появление рассматривается учеными как маркер (наряду с письменностью и монументальными архитектурными сооружениями) возникновения цивилизации как новой формы жизни человечества. Спустя тысячелетия роль городов еще более возросла. Нашу эпоху называют временем больших городов – мегаполисов, агломераций, которые являются важными факторами и локомотивами современного цивилизационного развития. Закономерно, что город, как сложная полифункциональная динамично развивающаяся система, стал важным предметом исследования в разных областях знания. Сложилась социология города, семиотика города, антропология города, философия города, активно развиваются исследования эстетики городского пространства и т. д. Сформировалась и специальная наука – урбанистика, которая синтезировала возможности гуманитарных, социальных и технических наук в исследовании и развитии города.

В сложно устроенном многофункциональном пространстве города воплощается своеобразная модель цивилизации, которая отражает ее политическое устройство, экономические, технологические, коммуникационные аспекты, историческую динамику; репрезентируется культурная картина мира того или иного народа с его ценностными

и смысловыми доминантами, своеобразным хронотопом. Город задумывался людьми как «микромодель «мандалы»¹, идеально упорядоченного, гармоничного мира. Город мечтался как «космос» – порядок, противопоставленный хаосу, недостатку цивилизованности по ту сторону городских стен [12], но реальность вносила свои корректизы, и идеальная модель космоса приобретала этнокультурную, национальную, региональную окраску и превращалась в культурно обусловленную картину мира. Город тесно связан с местом – ландшафтом, природно-климатическими условиями. Осваивая их, он утверждал идентичность места (place identity), превращая реальные объекты в знаки, запечатлевая в них присущую культуре картину мира.

С точки зрения семиотики город является очень богатым, предельно насыщенным объектом для исследования, его можно рассматривать как сложно устроенный текст, содержащий разнообразную многоуровневую информацию. Всплеск исследовательского интереса к городским (или локальным) текстам культуры, который мы наблюдаем в последние полвека, совпал по времени и смысловым интенциям с визуальным, пространственным

¹ От латинского *mundus* – «мир»; буквально: «чистый, красивый, нарядный; связан с древнеиндийским *mandala* – «магический круг, шар», производным от той же основы.

и эстетическим поворотами в современной культуре и социально-гуманитарном знании. Это неслучайно, поскольку перечисленные выше «повороты» отражали возросшее внимание к многообразию внешних, чувственно воспринимаемых форм окружающего мира, которые несут значимое ценностно-смысловое содержание. В семиотике эти чувственно воспринимаемы объекты, которые отсылают к другим объектам, свойствам, отношениям, называют знаками.

Типы текстов. Город как текст изучается сегодня в самых разных ракурсах – социологами, культурологами, философами, урбанистами. Нам уже приходилось писать о феномене городских текстов, в том числе, была предложена их типология. Мы предлагаем рассматривать три типа городских текстов: 1) город как текст 2) локальный текст 3) городской или локальный сверхтекст [2].

1. Город как текст. Любое обитаемое пространство осваивается человеком и утилитарно, и символически. Преобразуя окружающий мир, человек семиотизирует и эстетизирует его. Влияние как природных, так и социокультурных факторов отражается в тексте города: особенности ландшафта и климата, планировка, организация пространства, облик построек, звуки, запахи, присущие данному месту и т. д. Шум прибоя в приморских городах, запах воды в венецианских каналах или ароматы арабского квартала в Лондоне, плоские крыши домов в южных среднеазиатских городах и высокие кровли на севере Европы, стихийная планировка или четкий геометризм, восходящий к римскому военному лагерю, – все это создает образ города и запечатлевается в городском тексте.

2. Локальный текст – системное образование, которое объединяет город как текст + город в тексте, то есть осмысление его своеобразия в дискурсе – художественном, политическом, историческом и т. д. Созданные художниками,

поэтами, писателями образы города отражают осмысление/чувствование города, позволяют по-новому увидеть городские реалии. Складывается своеобразный лингвистический, художественный ландшафт. Таковы тексты Пушкина, Гоголя, Достоевского о Петербурге и картины Бенуа, Лансере, Добужинского, стихи И. Бродского о Калининграде/Кенигсберге и картины местных калининградских художников О. Пьянова, В. Рябинина, Б. Булгакова и т. д. Яркие образы вызывают эмоциональный отклик, «оседают» в памяти, создавая семантически насыщенный локальный текст его лексику и символику.

3. Городской (локальный) сверхтекст является специфическим вариантом локального текста, выполняя функцию метатекста по отношению к первым двум типам; он является текстом более высокого уровня обобщения, это синтетическое образование, состоящее из возникших в социокультурном контексте и закрепившихся в дискурсе стереотипов и символов как семантических единиц и интерпретационного кода. В сложении сверхтекста важную роль играет рефлексия по поводу самого существования города, его исторической судьбы, возможно, некоей миссии. Понятие сверхтекста генетически связано с концептом Петербургского текста В. Н. Топорова [8] и сохраняет его базовые характеристики: сверхуплотненность, сверхсемиотичность, мифологичность. Круг сверхтекстов невелик, их рождение всегда носит эксплюзивный характер; можно говорить об объективных и субъективных, необходимых и достаточных факторах их формирования [2, С. 106].

В данном случае предметом нашего интереса является первый тип – город как текст (далее будем называть его городским текстом), который является базовым, он складывается

в любом обживаемом людьми локусе. Мы будем рассматривать чувственно воспринимаемый, преимущественно визуальный, аспект городских текстов, который запечатлевается в специфике природного и культурного ландшафта, в особенностях планировки, городской архитектуры, в системах освещения и озеленения и т. д. Дискурсивная составляющая, город в тексте – художественном, политическом, идеологическом, – в данном случае затрагиваться не будет. Сенсорная информация, безусловно, имеет ограничения, она не позволяет познакомиться с лингвистическим ландшафтом, вникнуть в городскую мифологию и т. д. Однако старая русская поговорка о том, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, подтверждает большую значимость визуальной информации.

Сенсорное восприятие города как текста происходит на основе образного мышления, которое активизируется в процессе взаимодействия человека с реальностью и соотнесения себя с ней. Важно подчеркнуть, что «при формировании образа происходит соотнесение внешне воспринимаемой картинки (облика города) с системой уже существующих в сознании человека культурно и социально обусловленных стереотипов восприятия и мышления. Образ является способом взаимодействия человека и мира, посредником между сознанием человека и внешней реальностью» [4, с. 15]. Результатом этого взаимодействия является эмоционально окрашенная информация о мире.

Городской текст в знаковой форме (индексальной, иконической (образной) и символической) воплощает хронотоп культуры, презентируя ценностно-смысловые аспекты культурной картины мира, запечатлевая переживание, оценивание и освоение пространства жителями города, так же как ощущение и осознание времени, истории места.

Пространственной структуре города во все времена уделялось пристальное внимание: выбор места для будущего города, ландшафт, ориентация построек по сторонам света – все имело значение. Город всегда на-

брасывает некую ценностно-смысловую сетку на осваиваемое пространство, на природный ландшафт, иногда следя ему, иногда, жестко подчиняя его собственной идеи. Так рождается свободная планировка или регулярная, которую многие связывают с именем Гипподама, хотя, на самом деле, она достаточно широко известна в разных регионах мира и в самых разных конфигурациях.

Время. Городской текст – всегда своеобразный палимпсест, это напластование текстов разных исторических эпох. Есть города, где время как будто остановилось, сохранив облик города какого-то одного исторического среза. Таковы погибшие в одночасье Чатал-Гююк (мегаполис эпохи неолита, датируемый 7–6 тыс. до н. э., на территории Турции), Мохенджо-Даро (город цивилизации долины Инда, датируемый 3 тыс. до н. э., на территории Пакистана), знаменитые Помпеи и др. Есть города, где время останавливается намеренно людьми. Таков российский Сузdal, немецкий Любек, который характеризуется С. С. Ждановым как «ахроническая идиллия», как «хрономобиль», переносящий путешественника-наблюдателя в немецкое Средневековье с его готической застройкой. <...> Своей ахронностью Любек контрастирует с современностью, ... оставшейся за границами локуса [5, с. 11].

Есть и более сложные ситуации. Так, Берлин может показаться городом без истории, его архитектурный облик – преимущественно послевоенный, но именно это напоминает о его исторической судьбе. Отсутствие исторической застройки – своего рода нулевой знак, само отсутствие которого несет информацию. Примером города без истории может стать Дубай (основан в 1833 году, а реально начал превращаться в город только в XX веке). За исключением нескольких кварталов конца XIX века, весь город в его нынешнем виде – результат интенсивного развития в последние пять десятилетий. Городской текст Дубая при этом предельно насыщен и выразителен, это письмо, направленное в техногенное глобалистское будущее (или наоборот, из буду-

щего?). Однако чаще всего в исторических городах мы видим напластование временных срезов, своеобразный городской палимпсест, когда сквозь один текст читается другой, более ранний, расставляются новые акценты, подчеркиваются какие-то иные нюансы. Большинство крупных исторических городов – Париж, Барселона, Нью-Йорк, Чикаго – прошли через серьезные преобразования планировки, городской структуры в XIX веке, сохранив о них память.

Специфическое для каждого города отношение к пространству и времени – хронотоп, запечатленный в организации пространства, планировке улиц, площадей, в постройках, делает его узнаваемым, создает идентичность места. Принято думать, что Города, как и люди, обладают неповторимой индивидуальностью, более или менее ярко выраженной, которая фиксируется в городских текстах и маленьких провинциальных городов, и столичных мегаполисов. Однако достаточно часто мы имеем дело с подражанием, цитированием чужих текстов, с тем, что в семиотике принято называть интертекстуальностью. Но сам выбор образца для заимствования или подражания тоже представляет собой некоторое сообщение.

Так, в античную эпоху архитектурное искусство греков вдохновило на заимствование их идей и приемов римлянами, которые позже способствовали их распространению далеко за пределы Древней Греции. Акведуки и амфитеатры, построенные римлянами даже на севере Африки, также были своего рода цитатами из их собственного текста. Само наличие их на другом континенте – уже сообщение об исторических событиях давно минувших дней.

В средние века в Европе сходство городам придавали условия их возникновения, необходимость укрытия за стенами, в связи с чем возникает плотная застройка с узкими улицами и домами в несколько этажей. Несмотря на то, что коммуникация в Европе не была столь интенсивна как сегодня, все же художественные стили – романский, готический –

приобретали общеевропейский характер, хотя во всех странах они имели свои особенности (перпендикулярная английская готика, северо-немецкая кирпичная и т. д.). Увлечение палладианством привело к тому, что его архитектурные приемы, элементы и образцы стали воспроизводиться в разных городах и странах. Европейские архитектурные стили – барокко, классицизм – при наличии общих стилистических признаков – очень различны в разных европейских странах, регионально и национально окрашены.

Эффект интертекстуальности в городском пространстве ярко проявился в XIX веке – в эпоху больших экспериментов в области архитектуры. Время свободного выбора форм (другими словами, эклектика или историзм) дало возможность попробовать «на вкус» разные стили, приспосабливая их под свое видение и потребности. Иногда это было прямое цитирование (ренессансное палаццо в Санкт-Петербурге – Владимирский дворец на Дворцовой набережной), иногда – фантастическая смесь разных стилей: индо-сафариинские Королевские павильоны в Брайтоне, Гранд-Опера в Париже в стиле боз-ар, представлявшего смесь ренессансных и барочных черт. Появились города, которые стали своего рода памятниками всей человеческой цивилизации как целому, их тексты фиксировали множество культурных заимствований, тем самым давая возможность «прочесть» информацию о непростых поворотах истории. Это очень хорошо прочувствовал живший в это время молодой Н. В. Гоголь, написавший в своем очерке: «Архитектура – тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе. Пусть же она, хоть отрывками, является среди наших городов в таком виде, в каком она была при отживвшем уже народе... Чем более в городе памятников разных родов зодчества, тем он интереснее...» [3].

В этом контексте цитирования или подражания большой интерес представляют ситуации, когда заимствуются не отдельные сооружения, а целые города. Таковы, по мне-

нию британского журналиста и исследователя Д. Брука, Петербург, Шанхай, Мумбай и Дубай – города, задумывавшиеся их основателями, правителями как отсылка к другим городам как неким идеальным и желанным образцам. В книге «История городов будущего» [1] Д. Брук рассматривает эти четыре города, находящиеся на разных континентах, основанные в разное время, но имевших, по его мнению, сходную миссию – создать «окно в Европу», то есть встроиться в западную цивилизацию. Проведя немало времени в каждом из них, он фиксирует неизбежно проявляющееся там ощущение дезориентированности, которое «возникает оттого, что, находясь на востоке, они намерено строились по западному образцу... Дело в том, что это города-идеи; это выраженные в камне и стали метафоры ясно сформулированной цели, имя которой – вестернизация» [1, с. 13]. Ощущение дезориентированности носит не случайный характер, это часть замысла, это именно послания, направленные и внутрь, и вовне, в мир. У этих городов разные образцы для подражания: у Санкт-Петербурга – это Амстердам, который произвел сильное впечатление на молодого Петра, у Мумбая – Лондон, а у Дубая – некий обобщенный образец идеального высокотехнологичного глобалистского города будущего². При всех заимствованиях тексты этих городов уникальны, поскольку в каждом случае они фиксировали свою историю, судьбу, идеалы и стремления. Этот прием интертекстуальности создавал новые акценты, показывал некие ориентиры, цели развития, сообщал о том, что казалось привлекательным и ценным для правителей и жителей города. Действительно создавался некий образ желаемого будущего.

Городские тексты претерпевают серьезные изменения в XX веке. До XX века при всей интертекстуальности тексты города сохраняли свое уникальное содержание, отражавшее своеобразие места и времени. XX век существенно «смазал» уникальность городов. На-

чавшаяся в конце XVIII века промышленная революция уже в XIX «запустила» процессы индустриализации и массовизации, неизбежным следствием которых стала урбанизация – быстрый рост городов, в которых проживало многочисленное население, нуждающееся в жилье. Серьезной перепланировке подверглись многие крупные города. Процессы индустриализации, массовизации, урбанизации вызвали тектонические сдвиги в обликах современных городов: новые строительные материалы, новые конструкции, технологии, проектировочные решения, транспортные связь, типовая массовая застройка способствовали формированию образа универсального современного технополиса как отражения соответствующего этапа развития цивилизации.

XX век рождает новую, модернистскую – то есть современную – архитектуру. Функционализм или интернациональный стиль стал первым ее детищем. Возникший в Германии и Нидерландах, он получил всемирное распространение и ознаменовал радикальный поворот в развитии городов, ему был присущ революционный пафос и социальная ангажированность, он видел свою миссию в преобразовании мира, его материальной и социокультурной реальности. Девизом функционализма стала формула американского архитектора Луиса Салливана «форма определяется функцией». Большую популярность получила идея Ле Корбюзье о том, что «дом – это машина для жилья», при этом город превращался в «машину для жизни». Простота, утилитаризм, экономичность пришли в городскую среду на смену изыскам модерна, буйству эклектики и строгости неоклассики. Интернациональный стиль часто ассоциировался с политическими идеями социалистического толка. Ключевой для эпохи станет формула Миса ван дер Роэ, одного из основателей Баухауса, «Меньше значит больше» (Less is more), ставшая девизом приверженцев интернационального стиля, отстаивавших принципы функционализма. Города заполнились целыми кварталами типового жилья и строгими пря-

² Симптоматично, что именно в Дубае находится единственный в мире Музей будущего.

моугольными стеклянными башнями. Попыткой противостоять этому направлению стал стиль ар-деко, но он оказался недолговечным и, скорее, маргинальным, а не магистральным течением.

Интернациональный стиль, окончательно нивелировавший национальные особенности архитектуры, которые старался подчеркнуть модерн (ар-нуво) начала XX века, оставался господствующим полвека, с 20-х до 70-х годов XX века. За это время в большинстве крупных быстро развивающихся городах этот стиль радикально изменил их облик, сделав города похожими друг на друга³. К 60-м годам наступила усталость от холодного однообразия и унылой монотонности архитектуры модернизма.

В 1966 году архитектор Р. Вентури, которого считают отцом-основателем постмодернизма в архитектуре, в программной книге «Сложности и противоречия в архитектуре» [13] раскритиковал архитектуру функционализма и перефразировал формулу Миса ван дер Роэ «меньше – значит больше» в «меньше – значит скучно». Это стало девизом нарождавшегося тогда постмодернизма. Вентури считал, что архитектура должна быть «сложной и противоречивой», как сама жизнь.

Постмодернизм сделал все, чтобы город не выглядел скучно: неожиданные нагромождения разнородных элементов, цитат, отсылок к разным эпохам; все это через иронию, игру. Наступило время, когда «архитектура была рекорд за рекордом, соревнуясь, кто построит самое эффектное, броское, хлесткое, дерзкое здание. Архитектура перешла в разряд моды, а точнее – коммерческого развлекательного аттракциона. За ней нужно следить, ее новинки отсматривать, приобретать. Звезды были буквально нарасхват» [6, с. 9]. Постмодернистская революция в архитектуре откры-

ла дорогу другим новым течениям, на рубеже тысячелетий получили стремительное развитие деконструктивизм, био-тек и множество вариаций постмодернизма: «пост-постмодернизм», «неомодернизм», «жидкий модернизм», «цифромодернизм» и т. д.

В городах начинается настояще соревнование за знаковые культовые архитектурные объекты, которые известный британский социолог, специализирующийся на проблемах глобализации и урбанистики, Л. Склер назвал иконами, то есть культовыми объектами, несущими определенные сообщения обществу. «Культовая архитектура всегда была мощным инструментом в борьбе за обретение смыслов и, соответственно, власти и денег» [7, с. 18]. Культовые объекты во все времена были тесно связаны с властью – религиозной, политической, военной, экономической. Когда-то главными культовыми объектами были дворцы правителей, замки, храмы, вокруг которых строился город, позже – ратуша, парламент; теперь – здания крупных трансконтинентальных корпораций. Культовые здания – здания-иконы – всегда имеют очень запоминающийся облик. У каждого крупного мегаполиса есть такого рода узнаваемые символы: Эйфелева башня, статуя свободы, Кремль и т. д., но если у крупных мировых городов, как правило, их несколько, то в современных городах часто один бренд – Опера в Сиднее, музей Гугенхайма в Бильбао и т. д.

Иногда эти здания-иконы вписаны в культурно-исторический контекст города как мемориальный комплекс Граунд-Зеро в Нью-Йорке (Ground Zero, Эпицентр). Но часто – это просто абсолютно новый, поражающий воображение и запоминающийся образ здания любого назначения – таковы многие сооружения Н. Фостера, Ф. Гери, З. Хадид, Д. Либескинда и других топовых (культурных, по Л. Склеру) архитекторов в разных городах мира. Так, 40-этажная Башня Мэри-Экс 30 в Лондоне (30 St Mary Axe) Н. Фостера – знаменитый лондонский «Огурец» – достаточно быстро превратилась в один из важнейших и узнаваемых символов города, наряду с Биг

³ К счастью, далеко не все проекты удалось воплотить в жизнь. В частности, не был воплощен разработанный Ле Корбюзье «План Вуазен», который предполагал снести значительную часть центра Парижа и застроить его высотными жилыми домами («машинами для жилья»), окружив их парками.

Беном, мостом через Темзу, ведущему к Тауэру, и Колесом обозрения. Однако тогда как первые два выросли на лондонской почве, Колесо обозрения и «Огурец» могли быть построены в любом другом месте, технологически и финансово обеспеченном. Все они символически нагружены, несут определенный месседж, сообщение. Но в случае с башней Биг Бен, зданием Парламента, Тауэрским мостом у каждого свое сообщение, связанное с историей места, с точкой во времени. А «Огурец», музей в Бильбао, многочисленные супернебоскребы – при всей их художественной и эстетической ценности – пока несут одно общее послание: мы – эффектные, высокотехнологичные, сложные, дорогое достижения человеческой цивилизации, вызывающие чувство гордости за ее успехи. Эти объекты привязаны к месту только его финансовой состоятельностью, в принципе они могут быть расположены где угодно. Так, вполне узнаваемые и чем-то похожие друг на друга сооружения Френка Гери построены в Бильбао, Лос-Анжелесе, и в Лас-Вегасе. Внешне они сродни аттракционам в парке развлечений. Т.е. город теряет свою индивидуальность, а в тексте города начинает превалировать сообщение об экономическом и финансовом благополучии данного локуса. Если есть историческая застройка, то она еще что-то добавляет, делает текст многослойным, если нет – текст упрощается до одного знака-индекса, функция которого – указать на объект, не пытаясь выразить какую-то его суть, особенность, историю.

Эта предельная узнаваемость и символичность позволяет рассматривать такого рода сооружения в рамках широко развернувшегося в последние десятилетия брендинга городов. «Глобализация усилила необходимость продажи отличий городов друг от друга», – пишет Е. Трубина, автор серьезного исследования по теории города [9, с. 308]. «Наделение продукта особой идентичностью, лежащее в основе брендинга, – деятельность, которой издавна отдавали дань городские власти. Город должен получить

универсальную идентичность, чтобы, во-первых, люди знали о его существовании...» [9, с. 310]. Мгновенная узнаваемость символических объектов-икон выполняет эту задачу, но упрощает и образ города, и его текст, делая их одномерными. Образ города без этого бренда уже кажется неполным, как Лувр без Джоконды⁴. В урбанистике эта ситуация получила название «эффекта Бильбао», когда мало кому известная столица басков вдруг прогремела на весь мир и стала узнаваемым местом, благодаря появившемуся там зданию музея Гугенхайма архитектора Френка Гери. Функциональность такой архитектуры в том, что она решает задачу привлечения туристов. И Джоконда, и музей в Бильбао превратились в своеобразный логотип места, легко узнаваемый и привлекающий внимание. Хотя нужно отметить, что в случае с Лувром и Лондоном это представляется несправедливым. В Лувре – огромное количество произведений искусства, которые заслуживают не меньшего внимания, чем Джоконда, как и визуальный образ Лондона, конечно, не сводится к зданию Н. Фостера.

Общая ситуация в городах рубежа ХХ-начала ХХI века вроде бы располагала к утверждению разнообразия (нет одного доминирующего стиля), где у каждого города могло быть свое амплуа и свой неповторимый текст, собственно, это и есть цель брендинга. Однако новейшие культовые строения, созданные ведущими мировыми зодчими и архитектурными бюро, оторванные от почвы, места, истории, делают города похожими в их разнообразии, «похожими в их непохожести», а текст города теряет свое богатство и многомерность, иногда сводится к одному знаку, хорошо узнаваемому, ставшему главным брендом места. Архитектура в городском пространстве превратилась

⁴ Своебразный «парадокс Джоконды», характерный для современной культуры, заключается в том, что, когда посетители музея добираются до шедевра Леонардо, следуя указателям, то большинство из них на нее не смотрят, все заняты производством селфи на ее фоне.

в дорогой, но очень ценный с точки зрения влияния, трансляции значимой информации, товар. Кино, которое Ленин когда-то определил, как важнейшее из искусств, не перестало быть таковым, но архитектура на рубеже тысячелетий явно сравнялась с ним по возможностям влияния.

Здесь, наконец, пора обсудить вопрос о том, кто является автором городского текста. Специалисты в области урбанистики и сами архитекторы с некоторым сожалением вынуждены признавать, что «архитектурные тексты обязаны своим содержанием и смыслом вовсе не тому (или не только тому), что они результат художественного поиска, архитектурного творчества. <...> Способность господствовать в архитектурном пространстве всегда определяется величиной потенциала влияния. Потенциал власти, идеологии и капитала обеспечивает их неустранимое присутствие в пространстве социального бытия. Те, кто лишен этого потенциала, лишены и полноценной возможности формировать архитектурный текст. Борьба за пространство, за право писать архитектурные тексты может осуществляться и на индивидуальном, и на коллективном уровнях, поскольку является проекцией разнообразных интересов» [10].

Центры принятия решений – центры власти (политической, религиозной, финансовой и т. д.) – определяют перспективы развития города, его облик и ту информацию, которую должен нести его текст. Политическая и экономическая элиты являются основным, хотя, безусловно, не единственным автором этого текста. Неслучайно мы говорим о сталинской Москве, о Москве хрущевской, брежневской, лужковской. Каждая эпоха оставила о себе заметки в тексте города. В этом контексте обращает на себя внимание исследование профессора Вильнюсского университета Р. Чепайтена [11], в котором она предприняла анализ идеологических отпечатков национализма, тоталитаризма, авторитаризма и неолиберализма в городских текстах Вильнюса, Минска, Ашхабада. Анализируя проявления идеологии неолиберализма в современных городских

текстах, она отмечает, что «прежнее разнообразие городов нивелируется инвестициями международных коммерческих организаций, превращающих их в однородные и обезличенные». А «при всемирном внедрении модели так называемой «макдиснеизации» современные города становятся все больше похожими не только друг на друга, но и на тематические парки» [11, с. 67].

Переход к постмодернизму, по мнению некоторых исследователей, совпал с началом нового этапа глобализации – «капиталистической глобализации» (термин Л. Склера), связанного с электронной революцией, цифровизацией и развитием интернета. «В процессе капиталистической глобализации, начавшейся во второй половине XX века, образовалась комплексная система, в которой капиталистические корпорации все более контролируют урбанистическую среду и поддерживают тренд на глобализацию городов, являющихся оплотом коньюмеризма» [7, с. 18].

На первый взгляд, речь идет о двух противоположных тенденциях: с одной стороны, «эффект Бильбао» – единственный символ, бренд города, с другой – тематические парки, которые демонстрируют открытость миру, интерес к его разнообразию. Однако в основе и там, и тут лежит идеология коньюмеризма, цель которой – продать туристу, инвестору, возможно жителю, перспективные возможности города. На эту тему высказывался неоднократно Л. Склер, ссылаясь на разных авторов, в том числе, архитекторов. Так, по его мнению, небоскреб в развивающейся части мира – это своего рода шприц для инъекции капитала в экономику, а телевизионная башня в китайском Кантоне – способ транслировать в мир месседж об экономическом процветании страны [7, с. 61].

Многочисленные тематические парки, Диснейленды, иногда целые города, такие как Лас Вегас – с его «египетскими» пирамидами, сфинксами, венецианскими гондолами и т. д. – превратились в дорогостоящие приманки для туриста. Открытый в китайском Шэнъчжэне в 1993 году тематический парк «Окно в мир»,

расположенный на территории в 48 гектаров, представляет около 130 уменьшенных копий чудес света, объектов культурного наследия из разных уголков мира, предлагая туристам возможность совершить кругосветное путешествие всего за один день. Такого рода городские тексты как бы говорят: «Не нужно никуда ехать за тридевять земель, у нас есть все и сразу, за один день – весь мир у ваших ног. Покупайте здесь!». Опять-таки при внешней открытости – акцент на самом себе: продать нужно именно СВОЙ бренд, свой город. Текст города нам сообщает: мы богатые, успешные, у нас строят самые знаменитые и дорогие архитекторы, приезжайте к нам, у нас есть все.

Национальная и интернациональная архитектура в начале XXI века была вытеснена транснациональной. Нельзя сказать, что эта архитектура не обладает художественными и эстетическими качествами, Л. Склер подчеркивает, что икона или культовый объект «создается и остается в этом статусе благодаря уникальному сочетанию известности и символико-эстетического значения» [7, с. 42]. Эта транснациональная архитектура часто делает отсылки к каким-то локусам, постройкам в других городах. Так, среди небоскребов Дубая можно увидеть и своеобразную отсылку к Биг-Бену (Al Yaqoub Tower), и целых две башни (Business Central Towers), напоми-

нающие Крайслер-билдинг в Нью-Йорке, и некоторые точечно используемые элементы арабской архитектуры. Соединение их в одном городском тексте является яркой презентацией ситуации гибридизации и глокализации, характерных для современной культуры.

Крупные современные города превращаются в «глобальные города», в котором цивилизационное начало стало превалировать над собственно культурным, универсалистские тенденции – над локальными. Городские тексты в эпоху глобализации рисуют потерять свою уникальность и неповторимость. Малые города – за счет типовой массовой застройки; крупные, экономически успешные – приобретают здания-иконы, неповторимые и уникальные, но при этом текст города заменяется одним знаком, ставшим брендом города. Тексты города, ориентированные на коммерческий эффект в условиях господства коньюмеризма, предельно упрощаются, сводятся к нескольким узнаваемым культовым объектам, само наличие которых является свидетельством экономической состоятельности и успешности данного локуса. Полагаем, можно фиксировать явно наметившуюся тенденцию к обеднению содержания городских текстов в условиях глобализации. Утрата культурного разнообразия представляется негативной и даже опасной тенденцией современной культуры.

Список литературы

1. Брук Д. История городов будущего: монография. Москва: Strelka Press, 2014. 436 с.
2. Гаврилина Л. М. Архитектоника локального сверхтекста культуры // Вестник Тверского государственного университета, серия «Философия», 2016, № 3. С. 104–111.
3. Гоголь Н. В. Об архитектуре нынешнего времени // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в 14 томах. Москва–Ленинград: Издательство АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. URL: https://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_1834_07_arabeski.shtml
4. Горелова Ю. Р., Межевикин, И. В. Образ крупного города в восприятии его жителей // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 4 (13). С. 15–18.
5. Жданов С. С. Идиллия, история, рациональность: образы городов в «Действительной поездке в Германию в 1835 году» Н. И. Гречи // СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ: Научный журнал. 2023, Том 14, № 1. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2023, С. 8–29.
6. Лепорк А. Соблазненная архитектура: Рубеж тысячелетий – от утопии к WOW: монография. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2023. 400 с.

7. Склер Л. Проект «Икона». Архитектура, города и капиталистическая глобализация: монография. Москва: Издательство Студии Артемия Лебедева, 2022. 560 с.
8. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры: Сборник статей. Выпуск 1. Санкт-Петербург, 1993. С. 205–235.
9. Трубина Е. Город в теории: опыты осмыслиения пространства: монография. Москва: НЛО, 2013. 520 с.
10. Фёдоров В. В. Архитектурная среда как текст // Альманах Пространство и Время. Том 10. Выпуск 1, 2015. Пространство и время текста. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/architekturnaya-sreda-kak-tekst-1>
11. Чепайтене Р. Город как текст // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2017, № 2, С. 57–72 [Электронный ресурс] // URL: https://www.academia.edu/37371854/THE_CITY_AS_A_TEXT
12. Щукин В. Г. Поэтофера города. Город как единое целое (фрагмент из книги) // Новый филологический вестник, 2014, № 1(28). С. 8–18. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetosfera-goroda-gorod-kak-edinoe-tseloe-fragment-iz-knigi>
13. Venturi R. Complexity & Contradiction in Architecture. New-York: MoMa, 1979. 132 p.

*

Поступила в редакцию 16.05.2023